

Сергей Красильников

Как профессиональный историк я мог бы начать с уточняющей, но банальной фразы: «Я знаю Арсения Борисовича четверть века». И это правильно, но ничего не говорит о времени и о личности в нем. Между тем в этот четвертьвековой период, которым мы обозначаем переход от советской эпохи, откуда наше поколение родом, и... куда вместились столько событий, которых хватило бы на целую иную эпоху. Но я хотел бы подчеркнуть лично для меня главное: на излете советизма появилась возможность свободы выбора – мировоззренческого, профессионального, этического, выбора осознанного, не продиктованного и не навязанного извне. Когда в начале 1990 г. я подал заявление о выходе из КПСС, то в краткой мотивировке написал, что для меня членство и участие в работе «Мемориала» несовместимо с пребыванием в партии. Спустя годы понимаешь, что «Мемориал» – это редчайшая возможность непротиворечивого сочетания для историка мировоззренческих ценностей, профессионализма и сопровождающей его этики. А «Мемориал» – это прежде всего люди, с которыми институция ассоциируется. И здесь мимо личности Арсения Борисовича «ни проехать, ни пройти».

Первое и, наверное, даже главное: когда общаешься с ним, практически всегда оказываешься в водовороте людей и идей, а в эпицентре всего этого – А.Б. Мне кажется, что сам «Мемориал» есть своего рода кипящий плавильный котел, который переплавляет историческую информацию в ценностную продукцию (историческую память) в разной упаковке ее существования. Но коли так, то миссия Арсения Борисовича тут очевидна: он и шеф-повар, и ресторатор, и гурман, и «санэпиднадзор» в одном лице. Это, наверное, безумно трудно и психологически обременительно, но необходимого запаса ответственности и терпимости у него оказалось достаточно.

Мне очень повезло оказаться внутри историко-архивного сообщества, сформировавшегося отчасти стихийно, но уж точно не из конъюнктурных соображений, летом 1992 г., когда проходили слушания в Конституционном суде России по «делу КПСС». Наша экспертная группа работала по заданиям и запросам комиссии М.Н. Полторанина и функционально отвечала за тематические подборки документов, касающиеся различных, прежде всего теневых, сторон деятельности «партии – государства». И мемориальцы сделали тогда своего рода прорыв в получении доступа к комплексу документов из архивов Политбюро и спецслужб. Брешь, пробоина в корпусе неуязвимого ранее линкора под названием «Совсекретность» была рукотворным деянием А.Б. и его соратников Никиты Охотина, Александра Даниэля и других. Система таки вынуждена была поступиться толикой своей железобетонной охранительностью.

Мне не очень нравится словосочетание «мягкая сила», употребляемое сейчас по поводу и без оного. Но здесь я бы осознанно употребил его, примерив в качестве атрибутивной характеристики к личности А.Б. Мягкость – это ненавязчивость, раздумчивость в общении с собеседником и Твердость, когда следует обозначить и отстаивать позиции, – личностные и институции в целом. В общении зачастую ценен не просто обмен мнениями, а их взаимообмен. В разговорах с А.Б. мне порой приходилось осознавать, что, обладая некоторой суммой знаний и считая себя в определенной области знаний экспертом, я вдруг получал от него «информацию к размышлению» над, казалось, до боли мне уже известными вещами. Быть интересным для других – это не натренированный навык и не профессия, это – призвание. Желаю А.Б. хранить этот дар.